

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ / ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ДИНЫ РУБИНОЙ

Юля Козлов

Вильнюсский Педагогический университет
Кафедра русской литературы

Задачей статьи является выявление своеобразия художественного решения проблем *национальной/этнической идентификации* в творчестве известного израильского прозаика, пишущего на русском языке, Дины Рубиной.

В рассуждениях писательницы о национальной/этнической идентичности смыслопорождающей категорией является категория *Другого* как значимого *Чужого*. В качестве этнокультурного оценочного стереотипа, важного для творчества Рубиной, предстает *ориентальный Другой*. Такие константы, как пол и принадлежность к нации/этносу, конструируют гендерную и национальную/этническую идентичность героев ее прозы. При всей спорности и противоречивости толкования смысла указанных категорий важнейшими определяющими национальной/этнической идентичности являются история, культура и язык.

В случае с еврейской идентичностью в русском контексте, а, следовательно, и в русско-еврейской литературе, к которой принадлежит Дина Рубина, ощущается некая двойственность: историческое

прошлое израильских репатриантов из России включает в себя нарративы двух народов, еврейского и русского. Соответственно, культура репатриантов ориентируется на ценности двух культур и на два языка. В повести «Во вратах твоих» и в путевых записках «Воскресная месса в Толедо» Рубина обозначила возможные этапы поиска национальной идентичности.

Исследование текстов Рубиной показывает, что в доизраильском периоде ее творчества практически отсутствует изображение процесса этнической/национальной идентификации. Писательницу в то время больше интересовали иные проблемы: герои ее прозы полностью погружены в свои внутренние переживания, главным образом, гендерного типа, внешний мир изображен достаточно схематично. Евреи в ранней, «русской», прозе Рубиной представляют собой надэтническая общность, в которой процесс идентификации личности осложнялся идеологическим давлением: в процессе идентификации *Я* одновременно представляет собой и единицу советского

социума. Рубину интересуют внеациональные личные драмы героев: любовные, семейные, служебные и др.

Исключение составляют произведения конца 80-х годов, в которых все настойчивей начинает звучать еврейская тема. Таков рассказ «Любка» (1987), в котором писательница обращается к теме дискриминационной политики по отношению к евреям, проводимой в Советском Союзе в 50-е годы. Этноним «еврей/еврейка» обуславливает оценку и отношение к соответствующим этнониму референтам (людям еврейской национальности). Это отношение описано Рубиной как негативное. В рассказе «Яблоки из сада Шлицбутера» Рубина впервые обратилась к проблеме поиска этнической идентичности. Писательница представила художественную разработку архаичного варианта понимания этнической идентичности – это понимание реализуется через генетическую память, простирающуюся в рамках «советского этноса».

В целом же, до репатриации интерес Рубиной к еврейской теме был невелик. Как указывалось выше, ее больше занимали гендерные проблемы. Кризис мужской идентичности стал главной темой повести «Двойная фамилия». Гендерная психика героев этой повести традиционна: она складывалась и существует в рамках идеологии «мужественности» и идеологии «нормальной женственности». В произведении представлены как актуализация подобной гендерной стереотипизации, так и ее разрушение. Процесс отграничения себя как подвида в общности «мужчина/женщина» представлен в его сложной и мучительной динамике. Субъективный миф – Я в собственном представлении –

вступает в противоречие с гендерной мифологией – Я в представлении других. Подобный конфликт меж «воображаемой» и «символической идентификацией»¹ оборачивается разрушенными или не сложившимися судьбами людей.

Отъезд Дины Рубиной из России ознаменовался сменой тематических и стилистических акцентов, появлением новых жанровых образований в ее прозе.

Главной героиней повести «Во вратах твоих» выступает представительница русско-еврейской интеллигенции, писательница, которая отчасти представляет alter ego автора. Рубину интересуют проблемы социальной, культурной и профессиональной самореализации творческой личности в условиях эмиграции.

С точки зрения Рубиной, самоидентификация евреев – эмигрантов базируется на оппозиции «свое/чужое». Пространству «нашего», «своего» (безопасного) противостоит пространство «чужого» (враждебного). Рубина подробно репрезентирует границу между этими пространствами как один из механизмов, формирующих семиотику индивидуальности. В повести описаны поиски первичных элементов социального дискурса идентификации: *Это Я* и *Это Мы*. Героиня сталкивается с процессом обезличивания и разрушения своей идентичности до такой степени, что собственное существование, телесность, кажутся ей призрачными, нереальными. Поэтому первая ступень самоидентификации – личностная идентификация,

¹ Lacan J., *Au-delà du 'Principe de réalité'*, Paris: Seuil, 1966, P. 8 – Цит. по: Мэйси Д., *О субъекте у Лакана*, [http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_05/1999_5_16.htm] (2004 06 01).

поиск «своего лица» оказывается столь же важной, как и вторая – отграничение себя как подвида, как части определенного этноса.

Немалое место в сюжетном пространстве этой повести занимают ситуации, связанные с этнокультурной стереотипизацией. Рубина подвергает анализу структуру «авто- и гетеростереотипов»², т.е. представлений эмигрантов и коренных израильтян о себе и о «чужих» (израильтянах или выходцах из СССР), а также структуру проективных стереотипов – предполагаемых мнений о том, что израильтяне думают о «чужих» (эмигрантах) и о самих себе. С точки зрения В. Липпманна, подобная стереотипизация снижает неопределенность существования отдельного индивида, представляет возможность быстрее адаптироваться в непривычной среде³. Рубина показывает полуосознанный поиск героиней социальной ниши, психологического убежища в субэтнической группе «русских» евреев. В этом случае механизмами, включающими ее в определенную общность, выступают русский язык и культура.

Однако, по мнению Рубиной, подобным образом не может быть решена проблема истинной этнической идентификации. Осознание того, что еврейский народ не являет собой подлинную общность, приводит протагониста в

замешательство. Движимая поиском своего аутентичного Я, обнаружение которого напрямую связано с воссоединением со «своим» этносом, героиня, переехав в Израиль, попадает в мультикультурное израильское общество. Членам этого общества, состоящего, главным образом, из иммигрантов, присуща гибридная идентичность. Такой тип идентичности неизбежно формируется в ситуации сосуществования в государстве представителей различных субэтносов. Отсутствие у израильского общества единого представления о своей этнической принадлежности (представители каждого субэтноса считают, что именно они «истинные» евреи) может быть объяснено сложной полиэтнической ситуацией. В эссе «Майн пиджак ин вайсе клетка...» Рубина отмечает, что «историки и социологи, этнографы и философы – все светское население Израиля мучается глобальным и неразрешимым вопросом – что такое “еврей”?». Писательница подчеркивает, что эта проблема актуальна лишь для светской части общества, так как для верующих израильтян определяющей чертой еврейства является принадлежность к религиозному сообществу: «Для религиозной части населения этого вопроса не существует. Он решен со времен нашего праотца Авраама: *если ты исполняешь все заповеди, ты еврей.* Точка»⁴.

Профессор и раввин Э. Беркович объясняет уникальность судьбы Израиля и еврейского народа их неразрывной

² Lehtonen J., “Cultural stereotypes as a projection of national self-consciousness”, *Proceedings of the 9th Annual Intercultural and International Communication Conference*, Miami, 1992, P. 144–146.

³ Lippmann W., *Public Opinion*, New York: Harcourt, Brace, 1922, 81, 95 – Цит. по: Кашкин В., Пейхенен С., «Этнонимы и территория национальной души», *Русское и финское коммуникативное поведение*, Воронеж, 2000, 64.

⁴ Рубина Д., «Майн пиджак ин вайсе клетка...», Рубина Д., *Дом за зеленой калиткой*, Екатеринбург, 2002, 400.

связью с иудаизмом: «Израиль – это народ. Нация, сохранившая свою индивидуальность в таких условиях, в каких не выжил бы ни один другой народ. Израиль – народ Торы. Израиль возник в результате встречи с Богом. Это нация, созданная верой, подчинением воле Всевышнего, выраженной в Торе». В религиозном понимании даже по крови «чужой» человек может идентифицироваться с еврейским этносом, если этот человек иудей по вероисповеданию. Беркович пишет: «<...> Для еврея принадлежность к его народу определяется религией. <...> Англичанин может принять в Лондоне буддизм, но не превратится от этого в индуса. Китаец, крестившись в Китае, не станет ни немцем, ни французом, ни вообще европейцем. Но если эти люди примут иудаизм и будут жить по его заветам, они действительно станут частью еврейского народа»⁵. О подобной основополагающей связи еврейства с иудаизмом пишет и Рубина в вышеназванном эссе: «Так вот, страшная путаница со времен Авраама – кого считать евреем. И как правильно – еврей или иудей? К тому же, это не всегда совпадает. Ведь *иудеем можно стать, вовсе не будучи евреем по рождению*. Достаточно взвалить на себя этот немалый груз – исполнение всех заповедей, и никто в общине не посмеет отделить тебя от еврейства. Ибо такой человек (гер) считается более праведным евреем, чем тот, кто рожден еврейской матерью»⁶. В финале повести «Во вратах твоих» изму-

ченная жизненными неурядицами героиня обращается к Богу: «И я почувствовала минуту, ту самую интимную минуту, когда удобно обратиться... Я проглотила слюну и заискивающе пробормотала куда-то в сторону Иорданских гор: «Господи...!». И замолчала. Собственно, мне нечего было Ему сказать. Суетливо объяснять ситуацию, которую Он сам вроде бы прекрасно должен видеть?<...> Поэтому только вздохнула и повторила: «Господи! Вот такие дела...»⁷. Этнокультурную идентичность, по Рубиной, возможно обрести только на путях веры и сопричастности к нарративам еврейского народа о самом себе.

Сюжет путевых заметок «Воскресная месса в Толедо» – путешествие рассказчика по Испании. Это не просто туристическая прогулка по чужой стране, а возвращение героини в трагическое прошлое своего народа: «<...> С первых минут Испания обрушилась на меня всей трагической мощью истории моих предков. Она не была домашней. Она не была нашей. Она изгнала меня за пять веков до моего рождения»⁸. Представляется, что в данном произведении физическое пространство – Испания оборачивается пространством знания, которое включает исторический дискурс и пространство бессознательного, возникающего из сна, ощущения кровной и духовной связи. Воспоминания, мифы, символы – это культурное наследие нации позволяет субъекту повествования включить себя в сферу национального самоощущения.

⁵ Беркович Э., «Снова в Сионе», *Вера после Катастрофы*. [http://www.machanaim.org/philosof/vera/gl6.htm] (2004 05 04).

⁶ Рубина Д., «Майн пиджак ин вайсе клетка...», 413.

⁷ Рубина Д., «Во вратах твоих», Рубина Д., *Воскресная месса в Толедо*, Москва, 2004, 383.

⁸ Рубина Д., «Воскресная месса в Толедо», Рубина Д., *Воскресная месса в Толедо*, 427.

Сюжетообразующим ядром в путевых заметках является «навязчивый» сон героини, преследующий ее многие годы: «<...> Вполне устойчивое сновидение, сопровождающее меня по всей жизни. И не то чтобы страшный или вещей или предостерегающий какой-то сон. И бессюжетный, одинокий, безлюдный... *Мостовая средневекового города. И я иду по ней босая ... Довольно явственная мостовая, – крупная галька, выложенная ребром, – рыбий косяк, прущий на нерест...* И больше ничего. Словом, бросовый снисько, привязавшийся ко мне, как приبلудная псина, очень давно, с детских лет. И точно, как приبلудная собачонка, то исчезает в подворотне, за мусорным баком, то выныривает из-за угла и опять надоедливой трусцой догоняет тебя, – этот сон вдруг возникал, затесавшись меж других моих снов, обжитых, как знакомой мебелью, родными приметам собственной жизни, – странный, чужой, неприкаянный: мощеная крутая улочка, и я по ней иду босая, так явственно, что стопа ощущает холодную ребристую гальку. Куда я иду? Зачем? Кто я там такая?»⁹. Этот сон героини, по-видимому, связан с коллективной памятью еврейского народа о массовых уничтожениях и насильственном изгнании из средневековой Испании. По З. Фрейду, индивид способен ощущать сопричастность истокам жизни своего народа благодаря наличию мнемонических следов прошлого в бессознательном¹⁰. Вероятно, во сне героини происходит процесс вспо-

минания, реконструкции символического смысла ситуации прошлого. Благодаря этому сновидению происходит вытеснение страха перед мученической судьбой своего народа, который все же сумел пронести сквозь изгнания и уничтожения верность вере отцов. Ощущение чуждости самой себе, вызванное «насилием», совершенным над еврейским народом во времена испанской инквизиции, находит выход в таинственном сновидении героини. Травматические отголоски этого страшного прошлого заставляют субъекта повествования содрогаться от слов «марранос» и «анусим», произнесенных молодой испанкой еврейского происхождения, отзываются страшной болью в душе героини: «Кличкой «марранос» крещеных евреев звали испанцы, слово это означает по-испански – «свиньи», «проклятые». Так величали они новоявленных братьев во Христе. Евреи же, понятно, слово это не употребляли. И сами выкресты, и не отступившие от веры отцов их соплеменники, бежавшие из Испании, называли несчастных иначе: «анусим» – «изнасилованные». И в этом слове было все – и отношение к обряду вынужденного крещения, и готовность принять назад собратьев, тайно вернувшихся к вере отцов, и жалость, и скорбь... Господи, пять веков! *Пять веков семья молодой католички с золотым крестиком на груди помнит это глубинное, это погромное, скорбнооплакивающее еврейское слово... Пять веков дети этого рода помнят – что с ними сделали*»¹¹.

Судьба евреев в Испании, с точки зрения Рубиной, может служить моделью

⁹ Рубина Д., «Воскресная месса в Толедо», 419–420.

¹⁰ Фрейд З. *Введение в психоанализ. Лекции 16–35*, С-Петербург, 1999, 42–57.

¹¹ Рубина Д., «Воскресная месса в Толедо», 428.

жизни еврейского народа в средневековой Европе, где проводилось его насильственное обращение в христианскую веру с целью уничтожения евреев как религиозной общины. Эмоциональность рассуждений субъекта путевых заметок рождена сном как «врожденным представлением»¹², т.е. неким этническим подсознанием, которое завещано предками и не поддается рациональному контролю. Рубина показывает, насколько важно это бессознательное в процессе национальной идентификации.

Попад в современную Испанию, героиня не может отделаться от чувства трагической связи «своего народа» с этой католической страной: «Национальное тело Испании пронизано токами тревожной и обожженной еврейской крови. Это с первых минут поражает любого наблюдательного путешественника»¹³. Эта связь проявляется даже в телесных признаках, так как, по словам рассказчицы, внешне испанцы невероятно похожи на евреев: «Много раз мы встречали на улицах до оторопи знакомые типажи наших иерусалимских знакомых и друзей». В повести героиня не раз подчеркивает «испанский стиль» и своей внешности: «<...>Предки мои происходят из Испании, да и сама я похожа на всех испанок, вместе взятых»¹⁴. Надежда обнаружить хронотоп сна именно в Испании связана с тем, что, по уверению отца субъекта повествования, «глубокий и разветвленный корень бабкиного рода Деспиноза (или, по простому, Спиноза, а

по-тамошнему, по-ихнему, Эспиноса) уходил в земли Сфарада»¹⁵. Стремление отыскать родовые корни, свидетельствует о том, что героиня находится в поиске своей подлинной идентичности. Для того чтобы восстановить целостность своего Я героине необходимо ответить на вопросы из этого «навязчивого» сна: «Куда я иду? Зачем? Кто я там такая?». Рассуждая о личности Христофора Колумба, чье происхождение окутано покровом таинственности, героиня называет его «человеком ниоткуда». Возможно, в некотором смысле, героиня ощущает и себя «человеком ниоткуда», человеком без корней. Для того чтобы восстановить эту порванную связь с прошлым ей необходимо вернуться в место из сна: «С некоторых пор стала я приглядываться к мостовым средневековых кварталов европейских городов. Ненароком, мельком оглядывалась, безотчетно пытаюсь узнать место»¹⁶. Героиня этого произведения более не находится в стадии поиска своей этнической идентичности. Она прошла весьма сложный путь формирования своего идентитета, став настоящей израильяночкой и патриоткой своей страны. Иллюстрацией самоощущения героини, для которой уже решен вопрос об отождествлении со «своим народом», может стать рассуждение на эту тему Рубиной в эссе «Майн пиджак ин вайсе

¹² Лебон Г., *Психология социализма*, С-Петербург, 1995, 93.

¹³ Рубина Д., «Воскресная месса в Толедо», 426.

¹⁴ Рубина Д., «Воскресная месса в Толедо», 426, 418.

¹⁵ Рубина Д., «Воскресная месса в Толедо», 420. В своей биографии Рубина также упоминает «семейные легенды», связанные с историей рода, восходящего к сефардским евреям: «Из одной легенды я уже состряпала “путевые записки” – “Воскресная месса в Толедо”». – Рубина Д., «Автобиография», *Настоящая женская литература*. [<http://www.litwomen.ru/autogr13.html>] (2004 03 06).

¹⁶ Рубина Д., «Воскресная месса в Толедо», 420.

клетка...»: «И вот живешь ты *«среди своих»* живешь, живешь... проходя разнообразные стадии этого процесса – от умильного припадания к корням и истории, через естественное отталкивание от пороков, от которых несвободен любой народ и, в том числе, твой собственный, через смирение – к горькой домашней любви к тому, что есть...»¹⁷. Деление на «своих» и «чужих» более не находится в плоскости этнокультурных различий между «русскими» и «израильскими» евреями. Героиня воспринимает еврейский народ во всей его целостности. В Испании же она отчетливо ощущает, что евреи стали жертвой христианской религии. Следовательно, образ «чужого» связывается в данном случае с испанцами. С этой точки зрения интересен метафорический образ средневековой мостовой из сна героини: «рыбий косяк, прущий на нерест...». С одной стороны, в еврейской традиции рыба символизирует «верующих Израиля в их истинной стихии, в водах Торы», а также – священную пищу Субботы: «Еда благословенных в раю, символ небесного пиршества в предстоящей благословенной жизни»¹⁸. Следует отметить, что в Толедо героиня попадает именно в священный для иудеев Шаббат, день освобождения и консолидации духовно-религиозных сил. С другой стороны, в христианстве рыба означает крещение, бессмертие, воскресение. В христианстве «символ рыбы („ichthys“) означает акростих, т.е. состоит из первых букв теологических понятий (Иисус Христос, Сын Божий, Спа-

ситель)»¹⁹. Исходя из этих определений, образ рыбы может быть понят как столкновение двух религиозных стихий – христианства и иудаизма. Т.е. во сне героини предстает картина изгнания евреев из католической Испании: иудейка, идущая по камням средневекового Толедо навстречу скитаниям или смерти. Попав в воскресенье в Собор, героиня осознает величину пропасти, отделяющей ее от католиков – испанцев: «Только в таких случаях *понимаешь, насколько ты уже иной*: для нас воскресенье было будним днем, началом недели. В кафедральном же Соборе полным ходом шла *воскресная месса*»²⁰. Этот момент – один из центральных в произведении (об этом свидетельствует и название – «Воскресная месса в Толедо»), так как героиня окончательно убеждается, что католическая Испания никогда не станет для нее «своей». Страдания, которые выпали на долю евреев во времена испанской инквизиции, навсегда разлучили два народа. Возможно, поэтому Испания не показалась героине «домашней»: героиня постоянно отмечает следы расправы над своим многострадальным народом: «От Гранады до Мадрида – поля красных маков, порой так густо растущих, что из окна автобуса кажется – *большая кровь здесь пролита*»²¹. Лики святых на картинах известных испанских художников и фресках также напоминают о деяниях инквизиции.

Любопытно, что виды города Толедо вызывают в сознании героини образ

¹⁷ Рубина Д., «Майн пиджак ин вайсе клетка...», 416.

¹⁸ Шейнина Е., *Энциклопедия символов*, Москва, 2003. [<http://symbols.pochta.ru/priroda/fish.html>] (2004 02 04).

¹⁹ Bidermann H., *Naujasis simbolių žodynas*, Vilnius, 2002, 505.

²⁰ Рубина Д., «Воскресная месса в Толедо», 459.

²¹ Рубина Д., «Воскресная месса в Толедо», 432, 444.

Иерусалима. Это может быть объяснимо тем, что оба города являются «исторической родиной» героини. Роль Израиля, несомненно, важнее для самоидентификации героини, потому что во все времена идеалом еврейского народа было возвращение на Святую землю. Этническое самосознание героини, давно уже живущей в Израиле, базируется на ощущении того, что *эта страна – ее настоящий дом*. О том, что Израиль стал для субъекта повествования «Воскресной мессы в Толедо» «своим», свидетельствует безграничная любовь к Иерусалиму, осознание богоизбранности этого города: «Я сказала: «*Джерузалем!*» – прижимая руки к груди и просительно улыбаясь. За границей мне всегда кажется (и небезосновательно), что *стоит произнести это ключевое слово, как откроются все двери<...>*»²². Такое же чувство гордости испытывает и героиня повести «Высокая вода венецианцев», говоря о своей принадлежности к Иерусалиму: «<...> – Откуда синьора? – Обычно она уклончиво отвечала на этот вопрос: так миллионер не торопится афишировать свои богатства. Но этому парню, длиннорукому арфисту, богачу, владельцу этой лагуны, этому – равному – ей захотелось сделать подарок. – Из Иерусалима, – сказала она и с удовольствием, с тайным удовлетворением услышала благоговейный возглас...»²³. Иерусалим включается героиней в ряд значимых для нации этнонимов, является безусловной культурной ценностью. Столь же не-

сомненной духовной ценностью нации является родной язык. Попав в синагогу испанского города Кордова, героиня размышляет о том, что язык ее народа (иврит был воссоздан как живой язык спустя 2000 лет, в течение которых его практически не изучали) на протяжении нескольких тысячелетий служит связующим звеном между поколениями: «И как странно, как нереально было, приехав из Иерусалима, стоять в маленькой старинной синагоге и разбирать на фризах стен фрагменты чудом сохранившихся изречений на иврите – обреченно и вечнородном языке, на котором так свободно говорят мои дети»²⁴. То, что субъект путевых заметок оперирует подобной национальной символикой, свидетельствует о завершившемся включении его в этнос – понятие этнокультурной идентификации включает в себя владение родным языком.

Героиня повести преисполнена безмерной гордости за свой удивительный народ, на который пал божественный выбор. Подобное осознание особой роли «своего народа», несомненно, связано с идеей мессианства. «Религиозные корни мессианизма – в мессианском сознании еврейского народа, в его сознании себя избранным народом Божиим, в котором должен родиться Мессия, Избавитель от всех зол, создающий блаженное царство Израиля»²⁵. Идея мессианства наложила отпечаток на самосознание еврейского народа, т. к. она неразрывно связана с верой в возвращение всех евреев на Землю

²² Рубина Д., «Воскресная месса в Толедо», 460.

²³ Рубина Д., «Высокая вода венецианцев», Рубина Д., *Воскресная месса в Толедо*, 205.

²⁴ Рубина Д., «Воскресная месса в Толедо», 436.

²⁵ Бердяев Н., «Национализм и мессианизм», *Русская идея. Судьба России*, Москва, 2000, 311.

Обетованную: «Иудаизм всегда бес-трепетно провозглашал вероятность изгнания и неизбежность возвращения домой. Быть евреем означало принимать первое и ожидать второго. Тогда еврейская история приобретала смысл как часть космической драмы избавления. Даже ужасные муки Израиля не пропадали даром – они предвещали приход Машиаха»²⁶. В свете этой идеи возвращение героини на Святую Землю является важным поступком для всего еврейского народа, т. к. те евреи, которые считают, что «возвращение в Сион и Иерусалим не является жизненно важным для иудаизма, разрывают цепь еврейской истории»²⁷. Осознание того, что репатриация в Израиль было частью замысла Всевышнего, присуще многим протагонистам прозы Рубиной позднего периода. Так героиня романа «Вот идет Мессия!» предполагает, что распад Советского Союза был не случаен: «А может, для того и полетели подпорки у очередной великой империи, чтобы пригнать Божье стадо на этот клочок извечного его пастбища»²⁸. К тождеству «по генному рефлексу», по «признакам рода» и по «току неугасимой крови»²⁹ примкнуло чувство сопричастности национальной идее и судьбе своего народа. Уезжая из Толедо, героиня ощущает, что ее миссия выполнена: она сумела найти свои корни, то есть перестать

быть «человеком ниоткуда»: «Странный, тяжелый это был день – словно я пыталась догнать саму себя и заглянуть себе в лицо, пыталась угадать во встречных лицах близкие черты, узнать на этих улицах себя, бредущую по ребристой мостовой так давно, что это помнит только мостовая, и – через цепь поколений отраженные от нее – мои глубинные сны»³⁰.

В путевых записках субъект повествования идентифицирует себя с национальной аксиологией (культурными ценностями): историческими нарративами (фактами и мифами о жизни евреев в Испании, исторической судьбой еврейского народа в целом), национальными символами (Иерусалим, иврит), праздниками (Шаббат), национальной идеей (мессианство), преданиями, традициями и обрядами. Помимо этого Рубина включила в процесс национальной идентификации этническое подсознательное: смысло- и сюжетобразующим элементом путевых заметок становится сон героини, являющий собой не поддающееся контролю разума врожденное «наследство расы». Повесть завершается внутренним монологом рассказчика, в котором постулируется обретение национальной идентичности.

Можно утверждать, что в ранних текстах Дины Рубиной, в период ее проживания в СССР, практически отсутствует художественная интерпретация проблемы национальной/этнической идентификации. Еврейская тема в ее творчестве наличествовала всегда, но в структурном пространстве текстов предпочтение

²⁶ Беркович Э., «Снова в Сионе», *Вера после Катастрофы*. [<http://www.machanaim.org/philosof/vera/gl6.htm>] (2004 05 04).

²⁷ Беркович Э., «Снова в Сионе», *Вера после Катастрофы*. [<http://www.machanaim.org/philosof/vera/gl6.htm>] (2004 05 04).

²⁸ Рубина Д., «Вот идет Мессия!», Рубина Д., *«Вот идет Мессия!»*. Эссе. С-Петербург., 2001, 26.

²⁹ Рубина Д., «Высокая вода венецианцев», 215.

³⁰ Рубина Д., «Воскресная месса в Толедо», 450.

отдавалось гендерным конфликтам. После репатриации проблема самоидентификации личности заняла в ее прозе центральное место. Сегодня внимание писательницы приковано к процессу поиска личностной (персональной) и коллективной идентичности. Если в

ранних произведениях израильского периода отображен этап самоотождествления героев со *своим этносом* («Во вратах твоих», «Большеглазый император, семейство морских карасей»), то в более поздних – со *своей нацией* («Вот идет Мессия!», «Воскресная месса в Толедо»).

NACIONALINIO / ETNINIO IDENTITETO PROBLEMA DINOS RUBINOS KŪRYBOJE

Julia Kozlov

Santrauka

Straipsnyje nagrinėjami keli rusų ir žydų rašytojų Dinos Rubinos kūriniai. Straipsnio autoriaus nuomone, ankstyvuose Rubinos tekstuose, parašytuose dar gyvenant Tarybų Sąjungoje, nėra nacionalinio/etninio identiteto problemos interpretacijos. Struktūrinėje tekstų erdvėje pirmenybė teikiama genderiniams konfliktams. Tačiau po repatriacijos pagrindi-

nę vietą jos kūryboje užima asmeninio ir kolektyvinio identiteto ieškojimai. Anstyvieji Izraelio periodo kūriniai (1990-ųjų m. pabaiga) vaizduoja herojaus situacinį su *savuoju etniniu pasauliu* (apysaka *Vo vratich tvoich*), vėlyvesni – su *savo nacija* (apysaka *Vot idiot Mesija*, kelionės užrašai *Voskresnaja mesa v Toledo*).

Получено: 2004, июнь

Принято: 2004, июнь

Адрес автора:

Вильнюсский педагогический университет
Кафедра русской литературы
ул. Студенту 39
LT-08106 Вильнюс
E-mail: julia@mail.lt